

Трещины — это исследования в области антиполитики достоинства.

Трещины — это разведка и воплощение мира, существующего не сейчас. Мы переходим порог в контр-мир, где исследование неотлично от творения и единственные дороги — те, которые прокладываем мы^[1].

В трещине или контр-мире важно не *что*, а *как*: «нет, мы не будем делать то, что нам велят деньги, мы будем делать то, что мы считаем необходимым или желательным». «Что» в обоих случаях не имеет содержания. Важно то, каким образом принимается решение, будь оно направлено против внешнего ограничения/навязывания или будь оно попыткой решать для себя, что нам следует делать. Трещина — это просто толчок к самоопределению. Это, очевидно, исключает предопределение содержания трещин, поскольку весь смысл в итоге в том, что именно вовлеченные люди определяют содержимое. Подробное описание утопий может быть стимулирующим, но если всерьёз относиться к ним, как к модели организации общества, они сразу же становятся репрессивными^[2]. Возможно, самое большее, что мы можем сказать о содержании трещин — это то, что можно почерпнуть из борьбы, которая уже ведётся. Как мы видели, эта борьба охватывает широкий спектр различных видов деятельности.

Вместо того, чтобы говорить о содержимом трещин, мы должны сосредоточиться на *как*. В общих чертах, содержание попросту пусто, и его нужно заполнять определенным образом: посредством самоопределения. Но что означает «самоопределение» и как оно организовано?

Некоторые из упомянутых примеров (чтение книги в парке, работа в саду на своём участке) указывают нам на индивидуальное самоопределение («свободу» в либеральном смысле этого слова). Этот опыт индивидуального выбора не должен быть легкомысленно отброшен, но ясно, что он проведёт нас не слишком далеко. Дело в том, что всё, что мы делаем, является частью социального потока деяний, в котором трудно (или невозможно) отделить поступки одного человека от поступков других. Если движение этого социального потока дел не имеет сознательной формы, то оно всегда будет выглядеть как внешнее ограничение: внешнее ограничение, обычно выражаемое в форме денег, высмеивающее наше «свободное самоопределение». Единственным реальным самоопределением был бы социальный контроль над социальным потоком деяний, и, поскольку социальный поток деяний является глобальным потоком — это обязательно означает мировой коммунизм, то есть форму организации, в которой люди мира будут активно определять поток дел в мире. Сейчас это трудно даже вообразить. Сейчас речь идет не о полном самоопределении, а о постоянном стремлении к самоопределению. Самоопределению, которое может быть понято только в качестве социального процесса.

Говорить о трещинах как о стремлении к самоопределению было бы бессмысленно, если бы это не отражалось на их внутренней организации. Трещина — это прежде всего разрыв с капиталистическими общественными отношениями. Не существует модели, которую следует

применять, но есть фундаментальный принцип *асимметрии* по сравнению с капиталистическими общественными отношениями. Если капитал является отрицанием самоопределения, то стремление к самоопределению или автономии должно принципиально отличаться по форме своей организации. Если наша борьба не асимметрична капиталу по его форме, то она просто воспроизводит капиталистические общественные отношения, независимо от их содержания^[3].

Итак, трещины — это разведка асимметрии, исследования в области антиполитики достоинства^[4]. Достоинство — это немедленное подтверждение отрицания субъективности, утверждение против мира, рассматривающего нас как объекты и отрицающего как нашу способность определять нашу собственную жизнь, так и то, что мы являемся субъектами, способными к принятию самостоятельных решений — и достойными этого. Достоинство в этом смысле означает не только отстаивание собственного достоинства, но и признание достоинства других. Для трещины основополагающей идеей является то, что для взаимного признания не нужно дожидаться конца истории — мы уже сейчас можем приступить к нему посредством постоянной борьбы с отрицанием нашего взаимного признания в качестве личностей. Там, где капитализм рассматривает людей как средство достижения цели, как абстракции, или как группы, которые можно маркировать, стремление к взаимному признанию означает отказ от принятия сексизма, расизма, эйджизма и всех прочих практик, которые относятся к людям не как к людям, а как к *воплощениям* меток, определений, классификаций. Хотя это не всегда наблюдается на практике, но отказ от таких форм маркировки стал универсальным принципом антикапиталистических движений во всем мире. Создание социальных отношений, основанных на взаимном признании и уважении, лежит в основе «иной политики», которую в борьбе пытается претворить в жизнь как сапатистское движение, так и множество других движений по всему миру. «Иная политика» означает отношение к себе и другим как к деятелям, как к субъектам, а не объектам, а также нахождение соответствующих форм организации, чтобы выразить это. В мире, который постоянно отрицает наше достоинство, это неизбежно означает процесс постоянного обновления в области исследований и создания организационных форм.

Эти постоянные обновления в области создания организационных форм, тем не менее, основываются на давней традиции. Идея о том, что *наши* формы организации радикально отличаются от *их* форм организации, глубоко укоренилась во всей истории антикапитализма. Капиталистические организации замазаны иерархией и стремлением к эффективности. Антикапиталистическая традиция, о которой мы говорим, характеризуется уважением всех участников, пропагандой активного участия, прямой демократией и товариществом. Это традиция коммуны, собора, совета или собрания. Эта форма организации прославлена в дискуссии Маркса о Парижской коммуне в труде «*Гражданская война во Франции*» и повторялась, варьируясь, в ходе всех основных восстаний против капитализма: в Советах русской революции, в рабочих советах Италии и Германии, во времена гражданской войны в Испании, совсем недавно в общинных советах сапатистов, среди *cabildos* в Боливии и *assembleas barriales* в Аргентине. И эта форма горизонтальной (или анти-вертикальной) организации принята многими группами по всему миру. Эти децентрализующие формы организации фокусируются на формулировании мнений всех тех, кто участвует в борьбе. Такие формы ведут внутреннюю работу, не отталкиваясь от цели, которая должна быть достигнута.

Совет, таким образом, сильно отличается от партии, являющейся формой организации, задуманной как средство достижения цели, где цель — завоевание государственной власти. В совете важна эффективная формулировка коллективного самоопределения; в партии важно добиться заранее определенной цели.

Совет — это не только то, что возникает в революционных ситуациях. Те отношения, которые лежат в основе совета, глубоко укоренены в повседневной борьбе... я хотел сказать «в повседневной жизни». Мы идем на ужин с группой друзей, и мы принимаем решение о том, куда пойти, через обсуждение, цель которого — уважить выбор каждого. Принятие решений подобным образом является простой и неотъемлемой частью обычной жизни. Мы думаем об этом как о дружбе или товариществе. Товарищество — это концепция, имеющая глубокие и прочные корни во всей коммунистической, социалистической, анархистской и антикапиталистической традиции: ключевая концепция, которая часто считается второстепенной или упускается. В борьбе против капитала товариществу часто отводится второстепенное место. Так, иногда говорят: «Во время большой забастовки шахтеров в Британии шахтеры боролись с закрытием шахт, и в ходе этого процесса сформировалось прекрасное чувство товарищества». Другими словами, товарищество рассматривается как побочный продукт борьбы. Но если вы послушаете непосредственных участников, акцент чаще всего иной: как наиболее важный опыт они подчеркивают чувство товарищества и общности, установившееся среди бастующих и его потерю по мере того, как забастовка была сломлена, а сообщества разделены. Действительно, любая забастовка порождает новые отношения дружбы и солидарности. Забастовка дает участникам практический опыт мира без боссов: создание мира с иными социальными отношениями выходит за рамки того, что предполагалось в начале конфликта.

Приоритетность качества социальных отношений (другими словами, товарищеских отношений) не нова, но в последние годы она приобрела новое признание. Внимание сместилось с ключевой цели захвата власти на нынешнее создание или укрепление общественных отношений, несовместимых с капитализмом. Достоинство стало центральной концепцией. «Аморность» (*amorosidad*) — вот ещё одно слово, которое иногда используется для выражения отношений, возникающих в этой борьбе. Создаваемые отношения — это отношения любви, они придают движению силу и позволяют участникам преодолевать и уважать их разногласия. Это нелегко, как отмечает один из *пикетеро*: «Это трудно. Представьте себе район Ла Матанзы и жёстких людей с высоким уровнем мачизма, которым приходится сталкиваться с жестокими ситуациями. Среди них нелегко говорить об аморности или практиковать её». (Sitrin 2005: 58–9; 2006: 64) Старое товарищество переместилось в центр сцены, но оно потеряло свою маскулинность и объявило, что имя ему — любовь^[5].

Это то, что встаёт во главу угла в очень многих конфликтах: помимо непосредственных целей после их достижения (или недостижения), остаётся критичный осадок иных социальных отношений — созданных или восстановленных. Таким образом, после Водяной войны в Кочабамбе, в которой жители города собрались вместе, чтобы предотвратить приватизацию воды, один из участников заключает:

На сегодняшний день мы действительно многое узнали. Я думаю, что помимо завоевания воды для жителей Кочабамбы, это было восстановлением жизни, восстановлением солидарности, братства, и мы развили очень ценные, очень прочные дружеские отношения. Бывало, мы с соседями посмотрим друг на друга и всё, что спросим, так это «Ну ты как?», а тут была возможность поговорить о наших детях, о проблемах — в течение долгих часов дозора. Мы снова стали людьми. (Сесена 2004: 123)

И ещё от одного из участников восстания 19/20 декабря 2001 года в Аргентине:

Случился важный прорыв. То есть встречаюсь я поболтать с соседом на районной площади или на углу какой-нибудь улицы, и мы рассказываем друг другу о наших проблемах ... Налицо восстановление старых пространств для общения, которые были утрачены ... Одна из первых вещей, которая восстанавливается со времён девятнадцатого и двадцатого веков — общение лицом к лицу. Это и есть само сообщество. (Sitrin 2005: 5; 2006: 29)

Мир, который мы пытаемся создать, иногда описывают при помощи противоположных систем ценностей. Мы отвергаем дегуманизирующие ценности, воплощаемые капиталом, и создаем мир в соответствии с разнящимися ценностями и представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо. Массимо Де Анжелис описывает опыт протеста против саммита G8 в Глениглсе (июль 2005) в таких словах: «Лагерь Стерлинга стал местом, в котором *иные* ценности доминировали над социальным сотрудничеством или совместным производством» De Angelis (2007: 19). Также Де Анжелис утверждает, что «альтернативная политика в конечном итоге является ценностной политикой, политикой установления сути ценностных практик в качестве «социальных практик и соответствующих отношений, которые объединяют индивидуальные тела и целые социальные органы» (там же: 25).

Акцентирование на ценности помогает нам понять силу данной «иной политики», которая заключается в преодолении различия между этикой и политикой. Макиавеллиевское различие между средствами и целями, столь характерное для ленинской концепции политики, отброшено. Жизнь в мире, который мы хотим создать, с его «социальными практиками и соответствующими отношениями», разрушает ключевое разделение средств и цели: средства — это и есть цель. Данный взгляд на борьбу часто подвергается критике как наивный и нереалистичный, но опыт последних лет показывает, что он обладает огромной силой. А вот когда движения возвращаются к разделению на средства и цели, на этику и политику, они значительно ослабляют себя.

Товарищество, достоинство, аморность, любовь, солидарность, братство, дружба, этика: все эти названия противоречат коммерциализированным, монетизированным отношениям капитализма, все они описывают отношения, развитые в борьбе против капитализма и каждое из них можно рассматривать как предвидение или создание общества за пределами капитализма. Они противопоставляются товарным отношениям капитализма не как вечные альтернативы, а в качестве противоборства. Дело не в том, что существует некое трансисторическое качество достоинства: достоинство — это не что иное, как борьба против и за пределами отрицания самого этого слова. Отсюда также следует, что говорить о трещинах

как об исследованиях в области анти-политики достоинства не означает, что мы надеемся однажды достичь ранее существовавшего достоинства. Наоборот, это достоинство само по себе является исследованием, меняющимся процессом создания социальных отношений против капитала и за его пределами.

Следовательно, не может быть чётких правил о том, как эти принципы должны быть применены в организации, но на практике одна из идей, которая особо подчёркивается — это «горизонтальность». Горизонтальность является частью утверждения нашей собственной субъективности, будучи отказом от вертикальных структур, от цепочек команд, которые говорят нам, что надо делать, которые делают нас самих объектом принятия решений другими, кем бы эти другие ни были. Идея горизонтальности заключается в том, что все должны быть вовлечены в процессы принятия решений на равной основе и что не должно быть лидеров. На практике это трудно сделать в абсолютном выражении, поскольку неформальные модели лидерства часто вырастают даже там, где нет формальных структур, поэтому, вероятно, было бы полезнее думать о горизонтальности не как об абсолютном правиле, а как о постоянной борьбе с вертикальностью. Ракель Гутьеррес в своем исследовании протестов в Боливии (2009) подчёркивает, что важно не принятие какой-либо конкретной модели, а создание всеобщих горизонтов смысла посредством эффективного процесса обсуждения в коллективе. Или, как сказано в интервью Марины Ситрин изданию *Colectivo Situaciones*: «Горизонтальность — это контр-мера, когда вопрос встаёт ребром. Горизонтальность — это мера, когда надо ответить силой». Sitrin (2005: 49; 2006: 55).

Сходная, но несколько другая идея выражена в сапатистском принципе *mandar obedeciendo* («повелевать повиновением»), который гласит, что те, кто наделен властью, должны всегда подчиняться тем, над кем они осуществляют эту власть. Здесь соглашаются с некоторым уровнем не-горизонтальности, но классический принцип ответственности и немедленного отзыва гарантирует, что тот, кто (временно) занимает ответственную должность, должен подчиняться желаниям сообщества. Во многих случаях (например, в традициях коренных общин) это дополняется идеей ротации обязанностей: часть принадлежности к сообществу состоит в признании того, что сообщество может возложить на тебя определенные общинные обязанности на определенные периоды времени — но всегда в соответствии с пожеланиями сообщества.

Все это выражает отказ от представительной демократии как формы организации, исключая озвученную. Все организационные формы, которые мы упомянули, можно рассматривать как развитие прямой демократии. Не как набор правил, а как постоянный процесс экспериментирования с демократическими формами. Как способы преодоления сдерживающих людей факторов, как способы контроля агрессии людей, как способы контроля сексистских или расистских предположений. Основная задача состоит в том, как эффективно сформулировать *мы делаем*, являющееся ядром трещин: как сформулировать *мы*, являющееся субъектом движения, в качестве связующего и всё же открытого *мы*, и как сформулировать *делаем*, где *мы* — субъект, деятель. Сапатистское *mandar obedeciendo* («повелевать повиновением») не только предлагает решение этих вопросов, но и указывает на реальную область напряженности и проблем^[6], хотя это и оксюморон. То, что процесс должен

пониматься как исследующий и открытый, подчёркивается еще одним центральным принципом сапатистов: *preguntando caminamos*, «задаём вопросы по ходу». Всё это можно рассматривать как примеры дофигуративной политики, как идею того, что борьба за иное общество должна создавать это самое общество посредством его же форм борьбы. Указанное понятие «описывает идею того, что если вы можете воплотить изменения, за которые вы боретесь, то вы уже победили — не в сражении, а в становлении. Reclaim th Streets прекрасно поняли это, осознав, что если уж активисты RTS выступали против приватизации, отчуждения и изоляции, то уличная вечеринка была не просто протестом против этих условий, но и временным триумфом над ними». (Solnit 2005: 23).

Был приобретён огромный опыт в данной префигуративной, или «иной», политике, этой политике достоинства — особенно в последнее время^[7]. Он включает в себя как опыт организации грандиозных мероприятий альтерглобалистского толка, направленных против саммитов и организации всемирных и региональных социальных форумов, так и менее впечатляющее создание общественных садов, альтернативных школ, радиостанций для сопротивления, уличных театров и т.д. Идея того, что единственный способ изменить мир — это сделать это самостоятельно^[8] и сделать это здесь и сейчас, распространяется всё шире. И всё же попытки создать сейчас иной мир, который, по нашим словам, возможен, никак не обойдутся без проблем. В обществе, основанном на отрицании достоинства, политика достоинства — это всегда борьба.

1. См. стихотворение «Путник» Антонио Мачадо: «*caminante, no hay camino / se hace camino al andar*» («Знаешь, путник, ведь нет пути: / Лишь пройдя, сотворишь его» — пер. А. Ехилевского) («Притчи и песни XXIX») в *Campos de Castilla* Antonio Machado (1912/2007). [↗](#)
2. См. Gunn (1985) — он рассматривает утопии как полицейские операции против апокалиптической мысли. См. также Adorno (1969/1975: 168), как цитирует Jay (1984: 264): «Утопический импульс в мышлении тем сильнее, чем меньше он объективирует себя как утопия». [↗](#)
3. Об асимметрии см. комментарий Эмилио из собрания сообществ Огненной Земли в Аргентине, полученный Мариной Ситрин: «Мы не создаём нечто противоположное, мы создаём нечто иное. Мы не конструируем противоположность капиталистической системе. Попытки были — и это не сработало. Мы строим нечто отличающееся. Что? Я не знаю. У этого нет имени, и я надеюсь, что никогда и не будет» (Sitrin 2006: 175; 2005: 213). (Я цитирую и английское, и испанское издания, потому что в ряде мест я изменил перевод с испанского оригинала). [↗](#)
4. Ярким примером асимметрии борьбы является противостояние клоунов и полиции, которое стало характерной чертой многих крупных антикапиталистических демонстраций. [↗](#)

5. О глубокой важности любви см. Hardt (2009) и Free Association (2010). [↗](#)
6. Обсуждение всех этих вопросов взорвалось в свете опыта последних лет: см., например, Sitrin (2005 и 2006), Thwaites Rey (2004), Nunes (2007). [↗](#)
7. См. у Graeber (2002): «Результатом является богатый и растущий арсенал организационных инструментов — спикеры, группы по интересам, инструменты содействия, прорывы, «аквариумы», блокирующие проблем, наблюдателей за экспрессией и т.д. — и всё это направлено на создание форм демократического процесса, которые позволяют инициативам расти снизу и достигать максимума эффективной солидарности, не подавляя диссонирующие голоса, не создавая руководящих должностей и не заставляя кого-либо делать то, на что они добровольно не соглашались». [↗](#)
8. См. важную книгу Trapese Collective (2007), посвящённую практической возможности сделать это самим. См. также подробные отчёты о множестве различных экспериментов по способам жизни иным образом у Habermann (2009). [↗](#)